

Т. В. Бордачев

Концепция богоизбранности Русской земли в период формирования единого государства с центром в Москве: внешнеполитический аспект

УДК 9(470):930
DOI 10.47132/1814-5574_2023_3_253
EDN NVYNXY

Аннотация: Проблема взаимосвязи между эволюцией идеи богоизбранности Русской земли и важнейшими факторами внешнеполитического характера в период формирования единого государства с центром в Москве является одной из наименее изученных в российской и зарубежной историографии. Вместе с тем данная идея, выраженная в формуле «Русь — Новый Израиль», присутствует в русской книжности на протяжении значительного времени и последовательно выступает центральным элементом осмысления наиболее значимых событий в отношениях русского народа и его соседей. Особое звучание она приобретает в период борьбы русских земель за самостоятельность в отношениях с Золотой Ордой в XIV–XV вв. На основе оценки развития выраженной в книжности русской религиозно-политической традиции можно предположить, что последовательное обращение к ветхозаветным аналогиям и параллелям вело к формированию целостного восприятия русским общественным сознанием собственного места в мире, природы государственности и содержания отношений с основными соседями. Формальное утверждение идеи «Русь — Новый Израиль» в русской религиозно-политической литературе происходит на фоне завершения борьбы с Ордой и формирования новой государственности вокруг Москвы. Однако с фактической точки зрения именно идея богоизбранности, по нашему мнению, всегда была важнейшим способом познания происходящих событий и выработки ответа на внешние вызовы.

Ключевые слова: богоизбранность, Русские земли, Новый Израиль, книжность, единое государство, объединение Русских земель.

Об авторе: **Тимофей Вячеславович Бордачев**

Доктор политических наук, профессор Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики.

E-mail: tbordachev@hse.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3267-0335>

Для цитирования: Бордачев Т. В. Концепция богоизбранности Русской земли в период формирования единого государства с центром в Москве: внешнеполитический аспект // Христианское чтение. 2023. № 3. С. 253–268.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 27.05.2023.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2023

Timofey V. Bordachev

The Concept of the God's Chosenness of Russian Land during the Formation of a United State Centred in Moscow: Foreign Policy Aspect

UDK 9(470):930
DOI 10.47132/1814-5574_2023_3_253
EDN NVYNXY

Abstract: The problem of the relationship between the evolution of the idea of the Russian Land as “the Chosen by God Land” and the most important factors of foreign policy during the formation of a single state with its centre in Moscow is one of the least studied in Russian and foreign historiography. At the same time, this idea, expressed in the formula “Russia is New Israel”, is present in the Russian booklore for a long time and consistently acts as a central element of comprehension of the most significant events in the relations of the Russian people and its neighbors. Formal approval of the idea of “Russia is New Israel” in Russian religious and political literature occurs against the background of the completion of the struggle with the Horde and the formation of a new statehood around Moscow. However, from the actual point of view, it is the idea of God's chosenness, in our opinion, has always been the most important way to cognize the current events and to develop a response to external challenges.

Keywords: God's chosenness, Russian Land, New Israel, booklore, united state, reunion of Russian lands.

About the author: **Timofey Vyacheslavovich Bordachev**

Doctor of Political Science Professor at National Research University – Higher School of Economics.

E-mail: tbordachev@hse.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3267-0335>

For citation: Bordachev T. V. The Concept of the God's Chosenness of Russian Land during the Formation of a United State Centred in Moscow: Foreign Policy Aspect. *Khristianskoye Chteniye*, 2023, no. 3, pp. 253–268.

The article was submitted 03.04.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 27.05.2023.

Концепция богоизбранности Русской земли занимает центральное место в религиозно-политической идеологии Русского государства, формирующейся во 2-й пол. XV — начале XVI вв. Военно-политический кризис в отношениях Великого княжества Московского и Большой Орды летом-осенью 1480 г. сопровождался оформлением идейных основ российской внешней политики применительно к отношениям с конкретным противником, что подтверждается присутствием основных тезисов формирующейся доктрины в основных документах того времени, среди которых центральное место занимает «Послание на Угру Вассиана Рыло» [Перевезенцев, 2019, 177–178]. Однако уже через несколько лет мы видим отражение данной концепции в общих документах внешнеполитического характера, таких как ответ Ивана III римскому королю Максимилиану I (1490), содержащий указание на «поставление от Бога» [Томсинов, 2003, 67].

Можно предположить, духовно-нравственное содержание этой концепции восходит к двум источникам. Во-первых, к общей эволюции русского религиозно-политического сознания с момента принятия христианства и, особенно, в условиях обострения внешних угроз в 1-й пол. XI в. Тогда возникает и закрепляется традиция обращения русских книжников к библейским примерам для характеристики и оценки явлений государственной жизни. Второй источник — это колоссальный материал, накопленный в процессе осмысления природы отношений Руси и Орды на протяжении исторического периода начиная со 2-й пол. XIII в. В обоих случаях события внешнеполитической жизни стали важными факторами интеллектуального поиска и рефлексии духовного состояния русского общества.

В этой связи для нас может иметь центральное значение последовательная оценка ордынской этнообщественной системы в условиях эволюции взглядов на взаимосвязь с ней русских земель. Неизменно критическое отношение к природе ордынского государства соседствует с меняющимися подходами к значению его воздействия в судьбе Русской земли. Постепенно, по мере эволюции русско-ордынских отношений и развития самосознания великорусского этноса, происходит смыкание этих аспектов дискуссии в рамках единой и внутренне стройной концепции, наиболее ярко изложенной в «Послании на Угру» еп. Вассиана (Рыло) и отражающей значительную часть русского религиозно-политического наследия на тот исторический момент [ПЛДР, 1982, 523–536].

При этом отношения русских земель с западными соседями, несмотря на их антагонистический характер, не стали сопоставимыми основаниями для развития такого рода представлений и концепций. Другими словами, при том, что в XIV–XV вв. Русское государство возникло в своей новой форме, как организация, сражающаяся «на три боевых фронта», только один из них, ордынский, стал основой для духовно-нравственного осмысления. Последнее тем более указывает на важность конфликта с Ордой как именно экзистенциального и именно в этом своем качестве ставшего достаточно сильным импульсом для оформления целостной политической доктрины.

Безусловно, нельзя игнорировать и воздействие факторов, не имеющих отношения к русско-ордынским взаимодействиям, — приобретение Московским княжеством и русскими землями в целом положения последнего оплота православного христианства после двух драматических событий — Ферраро-Флорентийской унии и падения Константинополя. Эти события способствовали ускорению процесса появления русской нравственной политической доктрины. При этом отношения с татарами имели в ее судьбе главенствующее значение, формируя цель для немедленного применения. Тем более что фундаментальные положения и основное содержание интересующей нас концепции возникают в русской книжности задолго до того, как Византию постигла ее трагическая судьба. В свою очередь, окончательно сформулированная после возникновения единого русского государства концепция «Москва — Третий Рим» имеет уже непосредственную связь с указанными выше историческими событиями в отношениях с Византией и Западом¹.

¹ Фундамент отечественных и зарубежных исследований на эту тему был заложен трудом: [Малинин, 1901].

После завершения наиболее решительного этапа борьбы с татарами — к началу и, особенно, с середины XVI в., доминирование данной концепции не стало основанием для репрессивной политики в отношении мусульман Поволжья. В этой связи большой интерес представляет вопрос о позиции Русской Православной Церкви в отношении «служилых татар» [Котляров, 2017, 112–135]. Да и в целом политика Русского государства на восточном направлении оказалась в последующем лишена мессианских элементов, которые могли бы ей сопутствовать с учетом предыдущего опыта. Можно предположить наличие корреляции между внешнеполитическими условиями и отражением идейного наполнения русской политики на практических действиях государства. Исчезновение в силу исторических обстоятельств, главным из которых стала борьба русского народа за независимость, экзистенциальной угрозы с Востока привело, таким образом, к примирению, которое, на первый взгляд, никак не могло иметь под собой прочной духовной основы.

Возникшая в особых пространственно-временных условиях идея получила продолжение в отношениях с западными соседями Русского государства, где закрепились и постепенно сформировала основу нашего отношения к вызову, с которым Россия сталкивается на западном направлении. Здесь отношения русских земель хоть и не имели для них настолько экзистенциального характера, но по мере исчезновения других островков восточного христианства на Балканах приобретали все более антагонистический характер, окончательно оформившийся к середине XV столетия. Можно предположить, что фундаментальная для основ нашего внешнеполитического сознания идея богоизбранности Русской земли не является априорно противопоставляющей Россию другим народам и цивилизациям, как это бывает свойственно западному мессианству, а в своем практическом преломлении коррелирует с природой отношений между этнообщественными системами.

Это позволяет, в свою очередь, предположить, что при своей значимости в рамках формирования и реализации внешнеполитических устремлений Русского государства идея богоизбранности не содержала ярко выраженных мессианских черт и была направленной на внутреннюю духовную консолидацию русского народа, хотя и в специфических условиях. Тем более, что, как справедливо отмечают С. Перевезенцев и А. Абрамян, «библейские мессианские образы изначально могли укореняться в социально-политической мысли европейских государств не столько в рамках прямой мессианской рефлексии, сколько в опыте поиска в библейских текстах ответов на конкретные исторические вызовы, брошенные тому или иному политическому сообществу» [Перевезенцев, Абрамян, 2020, 112].

Спору нет, важнейшей целью этой консолидации была борьба с внешними противниками: русское государство вообще было во многом обусловлено необходимостью такой борьбы. При этом внешняя политика Московского государства была направлена на решение наиболее актуальных задач его выживания — освобождения от ордынской зависимости и угроз с западного направления — и не содержала в себе, тогда или в последующем, устойчивых элементов культурно-религиозной экспансии, свойственной мессианскому характеру политического сознания в его классическом понимании. Ее основная задача была «приподнять и укрепить свои нравственные силы», что и предопределило ее влияние на восприятие внешнеполитических явлений на смысловом уровне [Ключевский, 1969, 49].

Вклад идеи богоизбранности Русской земли в формирование внутреннего духовного единства был и остается намного более важным, чем ее значение в контексте борьбы Москвы «на три боевых фронта». Хотя и последнее сыграло важную роль в том, насколько успешно были во 2-й пол. XV — нач. XVI вв. решены важнейшие внешнеполитические задачи. *Оформившаяся под решающим воздействием особых международных условий религиозно-философская концепция оказала на внешнюю политику Русского государства не прямое, а опосредованное влияние, как духовный и интеллектуальный стержень «осознания своей независимости и своих особых интересов»* [Пресняков, 1918, 2]. Однако именно такое влияние представляется наиболее важным, проникающим в глубь русской политической цивилизации.

Вопрос о значении и концептуальном воплощении идеи богоизбранности Русской земли применительно к отношениям с другими этноконфессиональными сообществами (в период становления единого государства в центре в Москве) несколько скрыт для отечественной и зарубежной историографии в тени широкого обсуждения другой политико-религиозной концепции — «Москва — Третий Рим». Именно последняя традиционно привлекала внимание российских и зарубежных историков, а также становилась предметом множества достаточно политизированных интерпретаций, популярных в отечественной и зарубежной научной литературе [Бауэр, 2011; Синицина, 2020].

Данная концепция обязана своей популярностью среди историков двум факторам. Во-первых, она позволяет наиболее отчетливо обосновать тезис об изначально имперском характере российской внешней политики, что было особенно ценно для части европейских и американских исследователей. Во-вторых, акцент на идее «Москва — Третий Рим» позволяет поместить внешнюю политику Русского государства в общий контекст европейских международных отношений 2-й пол. XV в., что было интеллектуальной задачей на всем протяжении нашей послепетровской истории [Бауэр, 2011]. Другими словами, данная концепция понятна европейскому читателю и в силу своей связи с Византией и Римом легче укладывается в общие рамки западной историографии. Помогает, по мнению авторитетного автора, создать простое объяснение отличий России от Запада в западной системе координат [Rowland, 1996, 596].

Однако идея богоизбранности является намного более сложной в части интерпретации и в содержательном отношении обращена к опыту и источникам, мало связанным с формированием европейской политической цивилизации. Отрицать тесную связь двух политико-религиозных концепций было бы ошибочно. Более того, их можно рассматривать как взаимосвязанные и интеллектуально дополняющие друг друга. Однако предположить, что если концепция «Москва — Третий Рим» представляет собой во многом продукт уникальных внешних условий (падение Константинополя в 1453 г.), то идея богоизбранности имеет внутреннее происхождение, связанное с традицией осмысления природы русской государственности и ее исторического опыта. Не случайно, что именно она присутствует в разных интерпретациях в русской религиозно-политической дискуссии на протяжении намного большего исторического периода.

Можно предположить, что именно она является наиболее исторически укорененной в русском самосознании, на что указывают целостные исследования, посвященные непосредственно этой теме. В принципе, трудно даже выделить историографию данного вопроса в качестве самостоятельного массива доступной литературы, поскольку среди непосредственно посвященных ему работ можно выделить только монографию Н. Н. Ефимова «Русь — новый Израиль: теократическая идеология своеземного православия в до-Петровской письменности» [Ефимов, 1912], статью американского историка Даниэла Роулэнда «Москва — Третий Рим или Новый Израиль?» [Rowland, 1996], а также ряд исследований, опосредованно затрагивающих вопрос о богоизбранности Русской земли в интересующий нас исторический период либо посвященных его отдельным аспектам или проявлениям [Гольдберг, 1976; Конотоп, 2011; Конотоп, 2018; Лаушкин, 2019; Перевезенцев, 2019].

В работе А. В. Лаушкина «Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв.» вопрос о богоизбранности применяется к внешним связям русских земель в контексте эволюции представлений о соседних народах у русских книжников домонгольского и раннего монгольского периода [Лаушкин, 2019]. Важным здесь видится вывод о том, что уже в середине XI в. в русской книжности закрепляется не просто соотнесение «русского языка», как и других христианских народов, с библейской историей, но осознание себя «Новым Израилем» [Лаушкин, 2019, 193]. В свою очередь, тема богоизбранности становится основой формирования архетипа других этноконфессиональных и этнообщественных систем

в рамках исторического опыта взаимодействия с кочевыми соседями русских земель. Завершенную форму это приобретает в процессе осмысления (в русской литературе) феномена монголо-татарского нашествия — «погибели Русской земли» в середине и 2-й пол. XIII столетия. Также важными представляются выводы, сделанные в работе С. Перевезенцева «Богом утвержденный государю...» Образ государя в сочинениях конца XV–XVII веков», рассматривающие различные аспекты интересующего нас вопроса в контексте происхождения и развития политико-правовой концепции царской власти на Руси в период XV–XVII вв. В частности, Перевезенцев указывает, что «осмысление русского государя как единственного правого, во-первых, является отождествлением московских государей с библейскими царями, а во-вторых, указывает на их вселенскую миссию единственных в мире праведных правителей последнего в мире богоизбранного народа, „Нового Израиля“» [Перевезенцев, 2019, 177].

Отчасти проблемы, связанные с зарождением и эволюцией концепции богоизбранности присутствуют в работах К. Базилевича, И. Будовнича, А. Горского, М. Дьяконова, В. Каргалова, Н. В. Синициной, Ю. Г. Алексеева, Ю. Кривошеева, Ч. Гальперина, А. Замалева, Д. Лихачева, А. Кореневского, В. Кучкина, Я. Лурье, В. Назарова, А. Насонова, С. Перевезенцева, В. Томсинова, Л. Черепнина и ряде других [Алексеев Ю., 1989; Базилевич, 2001; Будовнич, 1960; Горский, 2000; Дьяконов, 1889; Замалева, 1998; Каргалов, 1984; Кривошеев, 2015; Кореневский, 2001; Кучкин, 1990; Лихачев, 2012; Лурье, 1960а; Лурье, 1960б; Лурье, 2021; Насонов, 1969; Перевезенцев, 2008; Черепнин, 1960]. Среди зарубежных работ нельзя пройти мимо исследований П. Бушковича, Ч. Гальперина, Э. Кинана, Д. Островски и Н. Андреева [Andreyev, 1959; Bushkovitch, 1986; Keenan, 1986; Ostrowski, 1990]. Также интересующий нас вопрос присутствует в классических трудах С. Соловьева и В. О. Ключевского, однако практически везде обсуждение природы и значения категории «Русь — Новый Израиль» и концепции богоизбранности в целом происходит «по касательной», без углубления в данную конкретную тему с точки зрения ее места в истории религиозно-политической идеологии Русского государства.

Отчасти это может быть связано с тем, что мало кто из отечественных и зарубежных ученых был готов согласиться с системным влиянием русской религиозной философии на политическую доктрину государства: в этом отношении современные работы В. Томсинова и С. Перевезенцева представляют собой, скорее, исключение. Пример противоположного подхода — это достаточно яркий труд Э. Кинана, который считал, что влияние Церкви и ее идей на политику и политическую культуру формирующегося единого Русского государства было, скорее, незначительным [Keenan, 1986]. Обходит эту тему, в целом, историография советского периода, но уже в силу, как думается, чисто политических причин. Тем более что практическая внешняя политика великих московских князей и русских царей действительно не всегда говорит о сильной степени зависимости от идей их религиозных наставников.

Но даже в тех случаях, когда российские и зарубежные историки уделяли внимание религиозно-политическим концепциям, существующие оценки ограничиваются указанием на использование этих идей в доктринальных документах, появление которых связано с чисто политическими обстоятельствами. Это, в свою очередь, может вести к предположению, что данное влияние, выраженное в концепции богоизбранности, было не прямым, а опосредованным, и поэтому гораздо более сложным с точки зрения определения его масштабов. Тем более что его носителем была русская религиозная литература — «одна из самых древних и разнообразных в постантличной Европе» [Петров, 2008]. Вера была важнейшим фактором консолидации, становления русского общества и его побед в противостоянии с внешними противниками, а развивающиеся в книжной среде идеи не становились, за несколькими исключениями, непосредственными указаниями к действию, но предопределяли отношение к внешним вызовам.

Именно в этой связи представляется справедливым отдельно остановиться на упомянутых выше работах Н. Ефимова и Д. Роулэнда. Как нам кажется, эти авторы смогли в наибольшей степени приблизиться к сути интересующего нас вопроса — о значении

категории «Русь — Новый Израиль» для формирующейся идейной основы новой пространственно-организационной формы русской государственности с центром в Москве, вне зависимости от того, в какой практической сфере деятельности государства она находит свое отражение. Каждый со своей уникальной позиции, историки не столько уделяют ключевое внимание доктринальному воплощению данной категории в основных политических документах, сколько пытаются указать на ее положение в эволюционировавшей «политической культуре» Русской земли². Это представляется важным, поскольку помогает оценить более глубокий смысл интересующего нас явления русской духовной жизни, а не просто обозначить его с точки зрения политизированного взгляда на историю, как это делает определенное количество авторов не только за рубежом, но и в России.

Как для Ефимова, так и для Роулэнда обращение русских книжников к ветхозаветным категориям, смыслам и сравнениям при описании общественно-политических явлений является наиболее фундаментальной характеристикой доступных для изучения источников на всем протяжении развития русской государственности с момента принятия христианства. А стало быть, не просто интегрированной в русское политическое сознание, но формирующей его базовые категории восприятия и оценки социальных взаимодействий, в том числе с другими этнообщественными системами. Тем более, что, как мы знаем из других работ, для русских книжников данные смыслы сами по себе были инструментом познания и интерпретации окружающей действительности, вели к формированию на этой основе идеального образа, необходимость стремления к которому и становилась фактором политического развития [Адрианова-Перетц, 1964, 12, 14; Перевезенцев, 2008, 18–19; Ефимов, 1912, 33–34].

Особенно авторами подчеркивается центральное значение того, что русские книжники обращались именно к примерам Ветхого Завета. Ефимов отмечает, что «теоретики государства проникались библейским правосознанием и на основании текстов Св. Писания комбинировали юридические системы» [Ефимов, 1912, 29]. Лейтмотив Библии — идея богоизбранности Израиля от момента его призвания в лице Авраама — характеризует историю как процесс взаимодействия Божеского и человеческого. Именно это стало основой той русской книжности, которая с середины XIII в. создавала духовную интерпретацию значения монголо-татарского нашествия в судьбе русского народа.

И мы можем увидеть, что такая интерпретация легла в основу сформировавшейся уже в интересующий нас исторический период религиозно-политической идеи сопротивления Орде, когда священные тексты «подыскивались не в оправдание готовой цели, не формулировали только ее, но и порождали» [Ефимов, 1912, 33]. Данная точка зрения опосредованно поддерживается в вышедшей в 1976 г. статье А. Гольдберга «К предьстории идеи „Москва — Третий Рим“», автор которой считает, что объявлявшаяся богоизбранной Русь именно в этом качестве «противопоставлялась своим степным соседям, а в последующие века — татаро-монгольским поработителям» [Гольдберг, 1976, 111].

К близкому выводу приходит и Роулэнд, с точки зрения которого библейские примеры выступают для русских книжников «в качестве как средства передачи определенного смысла, так и смысла как такового» [Rowland, 1996, 595]. Это идет несколько дальше оценки Д. С. Лихачева, указывающего на «словесное определение, словесный аналог, подобранный в Священном Писании или в существующей литературе» как на инструменты именно познания происходящих событий [Лихачев, 1994, 284]. При этом Роулэнд справедливо обращает внимание на популярность ветхозаветных примеров и сравнений в религиозно-философских произведениях средневековой Европы, что указывает на общность духовного наследия Руси и Запада, а не на их

² Под понятием «политическая культура» автор рассматривает комплекс убеждений, практик и ожиданий, связанных с существующим порядком и смыслом политической жизни, позволяющий его носителям создавать базовые предположения и поведение, а также символы и формы, в которых оно выражается.

отличия [Rowland, 1996, 596]. Это само по себе является чрезвычайно важным, поскольку ставит под сомнение популярный в западной историографии тезис о фундаментальных различиях, определяющих природу отношений Руси и Европы.

Для Роулэнда концепция богоизбранности Русской земли неоспоримо намного более значима, чем доктрина «Москва – Третий Рим», в силу своей представленности в русской религиозно-философской литературе [Rowland, 1996, 596]. Торжество параллелей между Русью и Израилем Роулэнд усматривает в том, что «русские книжники, как и древние израильтяне, видели свою политическую и военную историю в качестве последовательности наказаний и вознаграждений со стороны Бога» [Rowland, 1996, 598]. Но при этом обращение к ветхозаветным примерам и смыслам дает Русской земле «не стремление к универсальной империи и намерение управлять миром, а чувство специального Божественного покровительства и милости» в отношении государства и народа [Rowland, 1996, 613]. Это представляется важным для раскрытия проблемы о внешнеполитическом значении концепции богоизбранности, имевшей внутреннее происхождение, испытывавшей влияние внешних обстоятельств, занявшей важное место в формировании основных доктринальных документов на переломном этапе конца XV в. и сохранившей свое значение как часть духовной основы русского общества, а не внешней политики государства.

Таким образом, оба известных нам автора, наиболее подробно обращающихся к роли концепции богоизбранности в политической жизни Русской земли, приходят к выводу, с которым хочется согласиться: обращение русской религиозно-философской литературы к библейским примерам имело основополагающее значение в концептуализации русскими книжниками национального самосознания, продолжавшейся непрерывно с момента Крещения Руси. В свою очередь, отождествление «Русь – Новый Израиль» занимало в этой картине мира центральное место для оценки природы Русского государства, понимаемой через его отношения с Богом. Как мы увидим, в наиболее интересной форме это проявилось в период формирования единого государства с центром в Москве в XIV–XV вв.

Обращает на себя внимание то, что как Ефимов, так и Роулэнд оставляют за пределами своих убедительных построений значение внешнеполитического фактора, состоявшего на протяжении интересующей нас эпохи в противостоянии Орде и Западу. Для их интерпретации концепции богоизбранности внешние обстоятельства развития Руси не имеют, по большому счету, критического значения. Отчасти этот пробел стремится заполнить Ю. Селезнев в своей работе «Русские князья при дворе ханов Золотой Орды» обращаясь к анализу концепции ордынского владычества в «Послании на Угру» ростовского архиепископа Вассиана (Рыло) [Селезнев, 2019, 32–41]. Он, в частности, подчеркивает связь между внешнеполитическими событиями и формированием идеологии Русского государства через произведения наиболее влиятельных деятелей Церкви того времени. Продолжая идеи автора, можно предположить, что именно в этот момент происходит наиболее тесное взаимодействие книжной традиции и политической практики.

Тем более, что такой подход мы обнаруживаем в ряде других работ, посвященных обсуждению «Послания на Угру» и летописной «Повести о стоянии на Угре» [ПЛДР, 1982, 523–536]. И когда мы обращаемся к анализу текстов, связанных с этими и предшествовавшими им на протяжении двух веков событиями, то видим, каким образом внешнеполитические переживания русского народа преломлялись через уже оформившееся к тому времени восприятие Русской земли как нового Израиля. В данном случае библейские смыслы также выступают и в качестве характеристик природы событий, и как основа предписания необходимого в конкретных условиях поведения. Меняется внешнеполитический контекст, и укорененная в русской книжности идея помогает концептуальному обоснованию наиболее правильного поведения в отношениях с Ордой и менее могущественными противниками.

Здесь необходимо особо остановиться на оценках В. Рудакова и И. Кудрявцева, а также идеях, высказанных в обзорной работе А. Конотопа [Кудрявцев, 1951; Конотоп,

2011; Рудаков, 2017]. Так, например, В. Рудаков указывает, что «основной задачей Послания было создание стройной системы доказательств в пользу легитимности борьбы с ордынским ханом» [Рудаков, 2017, 167]. Тем самым этот документ подводит итоги развития русской религиозно-политической мысли в ордынский период и дает им практическое применение, в т. ч. долгосрочного программного характера («и нам их поработит»). И. Кудрявцев, в свою очередь, характеризует «Послание» следующим образом: «в нем слилась струя догматическая с общественной в едином патриотическом направлении, причем самые жанровые особенности этого вида древнерусской литературы достигли, пожалуй, своего совершенства» [Кудрявцев, 1951, 166]. На эту характеристику «Послания» действительно необходимо обратить внимание. Она, с нашей точки зрения, предельно достоверно определяет природу данного документа как объединяющего результаты нравственного поиска и политического процесса, создающего силой отточенных ветхозаветных образов смысл и значение внешнеполитического действия Русского государства в конкретный исторический период: слияние «струи догматической и общественной».

Таким образом, имеющаяся в нашем распоряжении историография позволяет выстроить логическую последовательность взаимодействия концепции богоизбранности Русской земли (в категории «Русь — Новый Израиль») и внешнеполитического опыта русской государственности в период, непосредственно связанный с разными этапами формирования единого государства с центром в Москве. Это взаимодействие ни в коем случае не может считаться линейным, поскольку развивающиеся в рамках книжности взгляды обычно не претендовали на прямое практическое воплощение в политике русских земель и их князей. Они формировали философскую основу поведения человека в определенных жизненных обстоятельствах с опорой на лучшие библейские образцы, помогали в анализе природы этнообщественных систем противников и необходимых способов взаимодействия с ними.

Но только на самом позднем этапе опирающаяся на идею «Русь — Новый Израиль» оценка положения Русской земли приобретает форму политического манифеста, содержащего в себе и указание на возможную программу внешнеполитических действий («и нам их поработит»). Это происходит в контексте событий, связанных с завершением зависимости от Орды и появлением государства с центром в Москве. Большинство авторов обращают внимание на то, что данный феномен был связан с важными в судьбе православия событиями середины XV в., однако хотелось бы согласиться с мнением В. Рудакова, который указывает на «реальную возможность победы московского князя над правителем Орды» (в 1480 г.), выделяя это в качестве наиболее важного фактора [Рудаков, 2017, 164]. Другими словами, экзистенциальное по своей природе противостояние становится причиной появления укорененной религиозно-философской концепции во внешнеполитической жизни Русского государства.

Для этого были свои основания. Как отмечает А. Лаушкин, негативный опыт взаимодействия с другими этноконфессиональными группами был основной причиной применения к ним ветхозаветных категорий, описывающих отношения Израиля с его противниками [Лаушкин, 2019, 249]. Поэтому особенно важным для эволюции идеи богоизбранности в ее внешнеполитическом преломлении представляется осмысление причин, значения и последствий татаро-монгольского нашествия и даннической зависимости от Орды, установившейся во 2-й пол. XIII в. Оно традиционно находится в центре внимания историографии, поскольку помогает понять природу особых отношений между русскими землями и ордынским государством на протяжении достаточно длительного исторического периода. Именно поэтому для российских и зарубежных авторов большое значение имеет то, как произведения русской книжности интерпретируют роль нашествия и «ига» в духовном развитии русского народа.

Осмысление «погибели Русской земли» в рамках провиденциализма помогает, в том числе, понять преломление уже устоявшейся идеи богоизбранности в экстремальных внешнеполитических обстоятельствах. Согласно устоявшимся оценкам летописных произведений, монголо-татарское нашествие на Русь интерпретируется

как «Божья кара», а сами завоеватели выступают в качестве инструмента (заслуженного) наказания за многочисленные грехи. Татары приходят на Русь для наказания «карающим мечем» согласно Божьей воле и действуют, как отмечает на основе сопоставления летописных свидетельств В. Рудаков, исключительно успешно, легко разрушая все попытки оказать им сопротивление [Рудаков, 2017, 60]. При этом летописцы прибегают к параллелям и сравнениям с текстами Священного Писания как наиболее укорененным в русской книжной традиции. Как отмечает А. Алексеев, «несчастия Иерусалима и его обитателей стали для Руси той исторической моделью, которая формировала социальную мысль и давала критерий оценки собственной истории» [Алексеев А., 2003, 448]. Принятие этой кары и даже сопутствующих ей политических последствий является для русских книжников необходимым в рамках продолжающихся отношений Русской земли с Богом [Адрианова-Перетц, 1974, 12, 14]. В определенном смысле идея «казней Божиих» сама по себе является производной от уже сформировавшейся в русской книжности к середине XIII в. основы формального отождествления Русской земли и Израильского царства. Также она отражена в произведениях о татарском нашествии, принадлежащих к народному творчеству [Будовниц, 174].

Нас в этой связи также интересует вопрос о том, как в произведениях русских книжников происходило взаимодействие между оценкой природы ордынской власти и влиянием отношений с ней на становление русского народа. Военные успехи похода татар против «Нового Израиля» никак не связаны в русской летописной традиции с каким-либо расположением Бога по отношению к самим «поганым». Более того, агрессоры наделяются всегда исключительно негативными чертами и характеризуются бранными эпитетами, а составитель Лаврентьевской летописи указывает, что мотивом бесчинств захватчиков становится их борьба с православной верой. Концепция богоизбранности Русской земли становится, таким образом, наиболее важной конструкцией, с опорой на которую происходит и осознание постигшего бедствия, и определение путей духовного и политического возрождения. Последнее возможно в конкретных исторических обстоятельствах только через всеобщее сопротивление силовому господству Орды и татарской угрозе в самых ее разных проявлениях.

В этой связи исследовательский интерес может представлять вопрос о связи между устоявшимися в российской историографии характеристиками отношений Руси и Орды как «рабства», «пленения», «полона» и т. д. и сформировавшейся к моменту татаро-монгольского нашествия в рамках книжности традицией отождествления Руси и Израиля в форме ветхозаветных аналогий и параллелей. В первую очередь это касается такой особенности традиционного подхода к оценке нашествия татар в 1237–1241 гг., как некоторое преувеличение трагедии русского народа [Кривошеев, 2015, 140–150]. Но также и последующие события не могут ставить отношения Руси и Монгольской империи, а затем Золотой Орды, на один уровень с положением других стран, подвергшихся монгольским завоевательным походам в 1-й пол. и середине XIII в., — Хорезма в Центральной Азии, китайских государств или Ирана, не говоря уже о покоренных небольших народах Поволжья, Урала или Сибири.

По сравнению с ними Русь монголами действительно, если прибегать к определению Л. Н. Гумилева, «ни подчинена, ни покорена»: Золотая Орда, как отмечает Б. Шпулер, не оказывала существенного влияния на русских и не изменила суть их естества, а возвращение к «структурам повседневности» после нашествия произошло довольно скоро [Шпулер, 2021, 8; Кривошеев, 2015, 149]. Русские земли — единственная часть «улуса Джучи», где не возникло даже временной монгольской администрации, а «суть даннических отношений неизменно влечет за собой вывод о сохранении монголами на Руси той общественной системы, которая сложилась в середине XII и продолжала развиваться в начале XIII века» [Кривошеев, 2000, 226].

Однако, анализируя отношения с Ордой и их роль в судьбе русского народа, книжники обращались к примерам и сравнениям, которые к тому времени за много поколений стали центральной частью всей системы смыслов, при помощи которых

до читателя доносится содержание и значение тех или иных событий. «Пленение» и «рабство» представляют собой характеристики, которые могли возникнуть именно в рамках глубоко укорененной концепции богоизбранности Русской земли, выраженной в идее «Русь — Новый Израиль». Поэтому так легко было воспринято из зарубежной историографии понятие «иго». Оценки в русских летописях и других документах эпохи причин нашествия и природы отношений с Ордой не могут рассматриваться в отрыве от существовавшей религиозно-политической традиции.

Впоследствии «ветхозаветные» определения оказались наиболее привлекательными для российской (как и зарубежной) историографии в силу своей яркости, к чему стремился уже Карамзин, и убедительности с политической точки зрения. Как результат, именно они образуют фундамент общей оценки отношений Руси и Орды для большинства историков, за исключением С. М. Соловьева, Л. Н. Гумилева, Б. Шпулера, а на современном этапе — Ю. Кривошеева, А. Горского и ряда других исследователей. Но в действительности такая интерпретация природы отношений Руси и Орды может быть не более чем продуктом традиции передачи смыслов, присущей русской средневековой книжности. Способ донесения до нас послания русскими книжниками стал, таким образом, сам по себе посланием, причем настолько убедительным, что занял центральное место во всей историографической традиции оценки природы господства Орды над русскими землями в XIII–XV вв.

Осмысление феномена отношений Орды и Руси в категориях концепции богоизбранности стало религиозно-политическим фундаментом той борьбы, которую вел русский народ против своего грозного противника. Тем более что постепенно, по мере того как «церковное и духовное сплочение Великой Руси вокруг Москвы предшествовало сплочению политическому» [Прохоров, 2000, 41], все более на первый план выходит мотив связи между духовной основой самосознания русских земель и их борьбой с иноземной зависимостью. Этому, конечно, способствовала особая роль Церкви и веры в консолидации русского народа и его моральной подготовке к решению важнейших проблем своего выживания. В условиях XIV в. накопление физических ресурсов в руках, в первую очередь, московских князей сопровождалось деятельностью, которую возглавляли такие столпы Православной Церкви, как прп. Сергий Радонежский.

Оценивая их вклад в развитие русских земель, В. О. Ключевский отмечает: «чтобы сбросить варварское иго, построить прочное независимое государство и ввести иноподданцев в ограду христианской Церкви, для этого самому русскому обществу должно было стать в уровень столь высоких задач, приподнять и укрепить свои нравственные силы, приниженные вековым порабощением и унынием» [Ключевский, 1969, 49]. Мы видим, что автор опирается здесь на сформированную в русской книжности традицию оценки отношений с Ордой как «порабощения». При этом «уныние» является продуктом продолжавшейся на протяжении жизни нескольких поколений неспособности нанести ордынским противникам решительное поражение, как это было сделано уже в середине XIII в. по отношению к шведско-ливонскому натиску на русские земли. Историки сходятся во мнении, что со 2-й пол. XIV в. отношение русских к ордынскому вопросу меняется. Оно, однако, остается в рамках традиции книжности, в основе которой лежит идея о богоизбранности и категория «Русь — Новый Израиль». Как отмечает Н. Ефимов, идея исключительной близости русского народа к Богу присутствует у начального летописца: Дмитрий Донской перед Куликовской битвой в молитве говорит: «Ты бо еси Богъ нашъ, и мы людие твои», а митр. Фотий в одном из своих поучений Великому князю Василию Дмитриевичу называет его подвластных «избранною паствою» Бога [Ефимов, 1912, 35].

Осуждение природы ордынской власти сохраняется и усиливается, а по мере увеличения ресурсов для сопротивления Орде противостояние «двух этнообщественных систем» окончательно отождествляется в религиозно-политических текстах с борьбой «за веру христианскую». В этом плане большое значение имеет отмеченное А. Горским и В. Рудаковым отождествление Русской земли и христианской веры вплоть

до того, что они выступают в качестве синонимов [Рудаков, 2017, 136]. Законченную форму этот взгляд приобретает во 2-й пол. XV в. и, особенно, в ходе событий, непосредственно связанных с формальным завершением периода зависимости русских земель от Орды. Первым решительным шагом в этом направлении стали события конца XIV в. — Куликовская битва и передача Дмитрием Донским великокняжеского престола своему сыну, а финальную точку ставит «стояние на реке Угре» в 1480 г. К этому времени в сознании русских книжников уже прочно закрепляется мысль о том, что Русь занимает в рамках Божьего Промысла место древнего избранного народа.

Тем более, что эта эпоха становится историческим моментом утверждения «одиначества» в пределах большей части русских земель, сопровождается важными изменениями в положении Византии и в частично связанных с этим отношениях Руси с христианскими государствами Европы. Ферраро-Флорентийская уния (1438–1439), пошатнувшая духовный авторитет Византии, и падение Константинополя (1453) оставляют русские земли последним оплотом истинной христианской веры в отношении как с Западом, так и с Востоком. Формирующееся единое Русское государство «как бы воцерковляется, начинает действовать по церковным правилам, принимает на себя церковные задачи и „священную миссию“» [Петров, 2017, 183]. Это делает общепринятые библейские параллели и сравнения даже более актуальными, чем в предшествовавшие столетия развития русской книжности. Не удивительно, что именно на эти смыслы опирается важнейшее произведение внешнеполитического характера той эпохи — «Послание на Угру» ростовского архиепископа Вассиана (Рыло), к которому мы уже обращались выше.

Конкретные политические обстоятельства появления данного «манифеста» хорошо известны, а их подробности стали предметом обширной историографии и дискуссий [Лурье, 2021, 223–261]. Составленное в начале октября 1480 г. «Послание» преследует несколько целей. Все они обусловлены конкретными внешнеполитическими обстоятельствами и представляются автору законными (справедливыми) в рамках устоявшихся интерпретаций развития Русской земли как богоизбранного христианского царства.

Во-первых, это анализ природы ордынского государства и его верховной власти. Владыка Вассиан обращается к основам оценки причин попадания русских земель в зависимость от Орды как «казни Божией» и последовательно излагает все характеристики ордынской государственности, которые дают ей русские летописи и произведения отцов Церкви. Во-вторых, обоснование справедливости борьбы с Ордой и необходимости для князя вести себя решительно, в основе которой лежит анализ татарской этнообщественной системы, познаваемой через природу власти хана Ахмата. В-третьих, документ обращен к вопросам внутриполитического развития Руси, содержит в себе оценку власти великого князя, данную также в ветхозаветных категориях, а также указания на необходимый для него способ поведения в конкретных обстоятельствах [Перевезенцев, 2019, 175–176]. И, наконец, «Послание» содержит указание неизбежных в рамках провиденциализма последствий победы Руси в этой борьбе и торжества «Нового Израиля» над его самым важным противником. В сочетании этих трех сюжетных линий происходит не только подведение итогов многолетнего осмысления природы отношений Руси и Орды, но и указание на дальнейший верный путь для «Нового Израиля» после его окончательного освобождения из «плена».

Содержание «Послания» и его внутренние цепочки аргументации подробно проанализированы в нескольких работах российских историков [Кудрявцев, 1951, 169–178; Рудаков, 2017, 164–173; Перевезенцев, 2019, 175–176; Селезнев, 2019, 32–39; Назаров, 1980, 116; Лурье, 2021, 223–261; Алексеев Ю., 128–132; Клосс, Назаров, 1984, 296–298]. В тексте «Послания» мы видим, что вся система его аргументации выстроена с опорой на сформированные к тому времени основные положения концепции богоизбранности Русской земли. Она для архиеп. Вассиана является «Новым Израилем», находящимся в «плену» у «фараона», в роли которого выступает в конкретных исторических обстоятельствах хан Ахмат. На этот смысл «Послания» особо обращает

внимание оценка И. Кудрявцева, отмечающего, что должное, по мнению автора, поведение князя Ивана в конфликте с ханом Ахматом проистекает из того, что он является политическим и духовным владыкой (русского народа), поставленным Богом «во главе народа избранного им (богом), народа – Нового Израиля», который должен выполнить волю этого избранного народа «к полному освобождению от иноземного и иноверного порабощения» [Кудрявцев, 1951, 171]. При этом для И. Кудрявцева идея богоизбранности в «Послании» либо предвосхищает распространение традиции определять Русь «Сионом, царством, которое Владыка Христос уподобил ветхой державе противу Иерусалиму, страной обетованной», либо представляет собой документ, указывающий на то, что представление о богоизбранности Русской земли «окончательно сформировалось» [Кудрявцев, 1951, 169; Рудаков, 2017, 172].

Такая точка зрения нуждается, с нашей точки зрения, в уточнении. Приведенные выше оценки связаны с тем, что оба автора руководствуются целью поместить «Послание» в контекст конкретных вопросов, которым посвящены их исследования: уникальному по значимости положению данного документа в русской религиозно-политической публицистике и осмыслению феномена монголо-татарского господства над русскими землями. Вместе с тем, если поместить «Послание» в более широкий контекст использования в русской книжности ветхозаветных аналогий, который проанализирован в упоминавшийся монографии Н. Ефимова и ряде других, можно предположить, что владыка Вассиан использует концепцию, которая к тому моменту уже является центральным элементом самосознания аудитории этого документа. *Присутствие в «Послании» прямого указания: «Русь – Новый Израиль», связано, с нашей точки зрения, с особой политической остротой момента, в который оно появляется, но не является нововведением русской религиозно-политической теории.*

Таким образом, «Послание» продолжает традицию рассмотрения наиболее важных исторических переживаний русского народа в категориях, основанных на буквальной аналогии с древним Израилем. И не случайно, что своеобразный итог своим рассуждениям о политических отношениях Руси и Орды владыка Вассиан подводит прямой отсылкой к судьбе противников древнего Израиля, которых «милосердный Господь» в милости Своей «поработит» избранному народу [ПЛДР, 1982, 532]. Это предсказание, основанное на ветхозаветной аналогии, закрывает историю отношений Руси и Орды на уровне их религиозно-философского осмысления отцами Православной Церкви. За время ордынского «пленения» русское общество, как богоизбранный народ – «Новый Израиль», прошло путь раскаяния и духовного очищения, который был ему предназначен Всевышним, и вступает в новый этап своей истории – подобно тому, как это произошло после освобождения от фараонова пленения с его древним аналогом.

Концепция богоизбранности стала для русского народа главным способом самопознания в экстремальных исторических обстоятельствах, угрожавших самому его существованию, сохранению и последующему укреплению национальной государственности. Эта задача была решена в ходе финального эпизода отношений с Большой (Золотой) Ордой в царствование Ивана III. Обращения к концепции богоизбранности в формулировке «Русь – Новый Израиль» наблюдаются в описании Никоновской летописи похода Ивана IV на Казань в 1551 г., «Степенной книге», послании Андрея Курбского царю Ивану Грозному, некоторых документах Смутного времени, а также целом ряде произведений русской архитектуры и изобразительного искусства [Конотоп, 2011, 44–47; Rowland, 1996, 604, 609–612]. Однако они уже не занимают настолько важного места в осмыслении актуальных внешнеполитических задач и вызовов, стоящих перед Русской землей.

Собственно говоря, это неудивительно. После того как была поставлена финальная точка в борьбе русского народа с экзистенциальной угрозой его существованию, возникшее государство обладало собственной политико-правовой идеологией, в центре которой находилась, как определяет В. Томсинов, «идея о самоценности» [Томсинов, 2003, 74]. Это, в свою очередь, позволяло ему выступать в полном, по определению

А. Преснякова, «осознании своей независимости и своих особых интересов» в отношениях с другими державами [Пресняков, 1918, 2]. *Находящаяся в центре этой «самоценности» концепция богоизбранности составила основу внутренней легитимности, занявшей для Руси место внешней легитимности, являющееся опорой самосознания европейских государств.* Именно в этом фундаментальная особенность русской религиозно-политической традиции на этапе становления единого государства — она обращена внутрь общества, к его духовным исканиям на фоне серьезных внешнеполитических вызовов, способствует самопониманию и только на этой основе приводит к видению своего места среди других народов и государств.

Источники и литература

Источники

1. ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси. Вып. 5: Вторая половина XV века. М.: Художественная литература, 1982. С. 523–536. (Сер. «Памятники литературы Древней Руси».)
2. ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928. С. 218, 373–374, 379, 427.

Литература

3. Адрианова-Перетц (1964) — *Адрианова-Перетц В. П.* Задачи изучения «агиографического стиля Древней Руси» // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 42–71.
4. Адрианова-Перетц (1974) — *Адрианова-Перетц В. П.* К вопросу о круге чтения древнерусского писателя // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 3–29.
5. Алексеев А. (2003) — *Алексеев А. А.* Ветхий Иерусалим древнерусской историографии // ТОДРЛ. М.; СПб., 2003. Т. 53. С. 446–455.
6. Алексеев Ю. (1989) — *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л.: Наука, 1989. 219 с.
7. Базилевич (2001) — *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV века. М.: Территория, 2001. 544 с.
8. Бауэр (2011) — *Бауэр Е. А.* Идея «Москва — третий Рим» в русской общественной мысли конца XV — начала XVII вв.: отечественная историография XX столетия. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманитар. ун-та, 2011. 127 с.
9. Будовниц (1958) — *Будовниц М. Н.* Идеинная основа ранних народных сказаний о татарском иге // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 169–175.
10. Будовниц (1960) — *Будовниц М. Н.* Общественно-политическая мысль Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 488 с.
11. Гальперин (2012) — *Гальперин Ч.* Татарское иго. Образ монголов в средневековой России. Воронеж: Новый взгляд, 2012. 230 с.
12. Гольдберг (1974) — *Гольдберг А. Л.* Три «послания Филофея» (опыт текстологического анализа) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 23. С. 68–97.
13. Гольдберг (1976) — *Гольдберг А. Л.* К предьстории идеи «Москва — Третий Рим» // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). М.: Наука, 1976. С. 111–116.
14. Гольдберг (1983) — *Гольдберг А. Л.* Идея «Москва — Третий Рим» в цикле сочинений первой половины XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 139–149.
15. Горский (2000) — *Горский А. А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.
16. Дьяконов (1889) — *Дьяконов М. А.* Власть московских государей. Очерки по истории политических идей Древней Руси до конца XV в. СПб., 1889.

17. Ефимов (1912) — *Ефимов Н. Н.* «Русь — новый Израиль»: теократическая идеология своеземного православия в до-Петровской письменности. Казань, 1912. С. 33–34.
18. Замалеев (1998) — *Замалеев А. Ф.* Восточнославянские мыслители: Эпоха Средневековья. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 270 с.
19. Каргалов (1967) — *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. 263 с.
20. Каргалов (1984) — *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. М., 1984. 154 с.
21. Клосс, Назаров (1984) — *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси. М., 1984. С. 296–298.
22. Ключевский (1969) — *Ключевский В. О.* Церковь и Россия. Париж: YMCA-Press, 1969.
23. Конотоп (2011) — *Конотоп А. Б.* «Богоизбранный новый Израиль»: к вопросу о формировании средневековых представлений о Русском государстве как о царстве «Нового Израиля» // Евреи и христиане в православных обществах Восточной Европы / Под ред. М. В. Дмитриева. М.: Индрик, 2011. 296 с.
24. Конотоп (2018) — *Конотоп А. Б.* Тема богоизбранности русского народа в памятниках изобразительного искусства и архитектуры XVI в. // Сб. докладов Международной научной конференции XLII Добролюбовские чтения и Всероссийской научно-практической конференции «„В усадьбе, у себя, в раю...“ (Усадьба: мир, миф и миг действительности)». Нижний Новгород, 2018. С. 146–154.
25. Котляров (2017) — *Котляров Д. А.* От Золотой Орды к Московскому царству. Вхождение народов Поволжья в состав России. СПб., 2017. С. 112–135.
26. Корневский (2001) — *Корневский А.* «Новый Израиль» и «Святая Русь»: этноконфессиональные и социокультурные аспекты средневековой русской ереси жидовствующих // *Ab Imperio*. 2001. № 3. С. 123–142. URL: <https://www.abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?idlang=2&state=shown&idnumb=11> (дата обращения: 05.07.2023).
27. Кривошеев (2015) — *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XV вв. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. 408 с.
28. Кудрявцев (1951) — *Кудрявцев И. М.* «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // ТОДРЛ. М., 1951. Т. 8.
29. Кучкин (1990) — *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая половина XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — нач. XX в. Сб. научных тр. Вып. 1. М., 1990. С. 15–69.
30. Лаушкин (2019) — *Лаушкин А. В.* Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. Русский фонд содействия образованию и науке, 2019. 304 с.
31. Лихачев (2012) — *Лихачев Д. С.* Национальное самосознание Древней Руси: очерки из области русской литературы XI–XVII вв. М.: Книга по требованию, 2012. 116 с.
32. Лихачев (1994) — *Лихачев Д. С.* От Иллариона до Аввакума // ПЛДР. XVII век. Кн. III. М.: Художественная литература, 1994. С. 623.
33. Лурье (1960а) — *Лурье Я. С.* Заметки к истории публицистической литературы конца XV — первой половины XVI в. // ТОДРЛ. 1960. Т. 16. С. 457–465.
34. Лурье (1960б) — *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI вв. М.; Л., 1960.
35. Лурье (1962) — *Лурье Я. С.* Новонайденный рассказ о «стоянии на Угре» // ТОДРЛ. 1962. Т. 18. С. 289–293.
36. Лурье (2021) — *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. М.: Квадрига, 2021. 336 с.
37. Малинин (1901) — *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 1901. 1032 с.
38. Назаров (1980) — *Назаров В. Д.* Конец золотоордынского ига // ВИ. 1980. № 10.
39. Насонов (1969) — *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. 556 с.
40. Перевезенцев (2008) — *Перевезенцев С. В.* К вопросу о специфике русской политической мысли XI–XVI вв. // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2008. № 4. С. 11–22.

41. Перевезенцев (2018) — *Перевезенцев С. В.* Роль русского государя в устроение «святой Руси». На основании свидетельств духовно-политических источников середины — второй половины XVI века // Гуманитарные исследования Центральной России. 2018. № 2 (7). С. 52–65.
42. Перевезенцев (2019) — *Перевезенцев С. В.* «Богом утвержденный государю...» Образ государя в сочинениях конца XV–XVII веков // Тетради по консерватизму. 2019. № 2. С. 173–205.
43. Перевезенцев, Абрамян (2020) — *Перевезенцев С. В., Абрамян А. С.* Идеиные истоки формирования концепций мессианизма в европейской социально-политической мысли // Диалог со временем. 2020. Вып. 71. С. 105–114.
44. Петров (2008) — *Петров А. В.* Славянофобия глазами историка русских древностей // Россия и Удмуртия: история и современность. Материалы Межд. научно-практ. конференции, посв. 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2008. С. 314–324.
45. Петров (2017) — *Петров А. В.* Православие, «одиначество», самодержавие (к вопросу об исторических основаниях русской политической культуры) // Христианское чтение. 2017. № 6. С. 178–185.
46. Пресняков (1918) — *Пресняков А. Е.* Московское царство. Пг.: Огни, 1918.
47. Прохоров (2000) — *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. СПб.: Алетейя, 2000.
48. Рудаков (2017) — *Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2017.
49. Селезнев (2022) — *Селезнев Ю.* Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М.: Ломоносовъ, 2022. С. 32–36.
50. Синицына (2020) — *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Академический Проект, 2020. 481 с.
51. Томсинов (2003) — *Томсинов В. А.* История русской политической и правовой мысли. X–XVIII века. М.: Зерцало, 2003.
52. Черепнин (1960) — *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. М.: 1960. 898 с.
53. Шпулер (2021) — *Шпулер Б.* Золотая орда. Монголы на Руси. 1223–1502. М.: Центрполиграф, 2021. 415 с.
54. Andreyev (1959) — *Andreyev N.* Filofey and His Epistle to Ivan Vasil'yevich // The Slavonic and East European Review. London, 1959. Vol. 38(90). P. 1–31.
55. Bushkovitch (1986) — *Bushkovitch P.* The Formation of a National Consciousness in Early Modern Russia // Harvard Ukrainian Studies. 1986. Vol. 10. No. 3/4. P. 355–376.
56. Keenan (1986) — *Keenan E. L.* Moscovite Political Folkways // The Russian Review. 1986. Vol. 45. No. 2 (Apr.). P. 115–181.
57. Ostrowski (1990) — *Ostrowski D.* The Mongol Origins of Muscovite Political Institutions // Slavic Review. 1990. Vol. 49. No. 4. P. 525–542.
58. Rowland (1996) — *Rowland D. B.* Moscow-The Third Rome or the New Israel? // The Russian Review. 1996. Vol. 55. No. 4. P. 591–614.